

M. Yu. Mukhin
Ural Federal University
Yekaterinburg, Russia

**LEXICAL STATISTICS AND STYLE OF CLASSICAL
PROSE AUTHORS OF THE XIX CENTURY**

The article discusses the principles of lexical and statistical analysis of prosaic texts of the XIX century (F. M. Dostoevsky, L. N. Tolstoy, I. S. Turgenev, I. A. Goncharov, A. P. Chekhov). First of all, the article presents the principle of two-dimensional research of idiostyle as the peculiarities of an author's literary and artistic thesaurus and word combinations. Secondly, the principle of comparison of different texts of one author and creative work of different writers are presented in this research. Prospects of idiosyllabic analysis of classical prose in paradigmatic and syntagmatic aspects are outlined.

Keywords: lexical statistics; prose; stylometry; corpus; statistical analysis; literary text; idiostyle; thesaurus; lexical compatibility.

УДК 811.161.1+81'373.421

© И. К. Мухина
Уральский федеральный университет
г. Екатеринбург, Россия

**КУЛЬТУРНО МАРКИРОВАННЫЕ СЛОВА-СИМВОЛЫ
В ИДЕОГРАФИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ СИНОНИМОВ***

Доказывается, что культурная маркированность символа проявляется в его тесной связи с понятиями «культурная коннотация» и «коды культуры». Объективным критерием проявления культурной коннотации символов, зафиксированных в синонимической языковой картине мира русского языка, может служить фиксация символических репрезентаций в различных зонах словаря синонимов (в семантической идее, прототипе синонимического ряда, словарных дефинициях лексем — членов синонимического ряда, иллюстрациях).

Ключевые слова: символ, символическая репрезентация, синонимы, культурная маркированность.

Классическое определение символа принадлежит Ю. М. Лотману, согласно концепции которого «символ определяется как знак, значением которого является некоторый знак другого ряда или другого языка» [Лотман, с. 71]. Изучению символов и процесса символической репрезентации посвящено множество

* Исследование выполнено при финансовой поддержке постановления № 211 Правительства Российской Федерации, контракт № 02.А03.21.0006.

лингвистических работ, см., например: [Алефиренко; Карасик; Колесов; Масаева; Молчанова; Шелепова; Шелестюк; и др.].

В основу нашего исследования положено широкое семиотическое понимание символа, приведенное в работе Е. В. Шелестюк, согласно которому *символ* «есть такой знак, который предполагает использование своего первичного содержания в качестве формы другого, более абстрактного и общего содержания, причем вторичное значение, которое может выражать понятие, не имеющее особого языкового выражения, объединяется с первичным под общим означающим» [Шелестюк, с. 125].

Ю. М. Лотманом выделены наиболее значимые культурные свойства символов: «наиболее привычное представление о символе связано с идеей некоторого содержания, которое, в свою очередь, служит планом выражения для другого, как правило, культурно более ценного, содержания»; «символ может быть выражен в синкретической словесно-зрительной форме»; «элементарные по своему выражению символы обладают большей культурно-смысловой емкостью, чем сложные»; символ является «важным механизмом памяти культуры» [Лотман, с. 72–74].

Символы, несомненно, входят в ряд феноменов, напрямую связанных с национально-культурной семантикой. Рассмотрим свойства символа, подтверждающие данное положение.

Во-первых, свойством семантики символа выступает культурно маркированная коннотация. *Культурная коннотация* — термин, введенный В. Н. Телия, которая подчеркивает, что «слова-символы или слова и словосочетания, получающие символьное прочтение», являются «источником культурно-национальной интерпретации фразеологизмов» [Телия, с. 243]. Определяя культурно маркированную коннотацию, В. А. Маслова подчеркивает тот факт, что она «возникает как результат интерпретации ассоциативно-образного основания <...> посредством соотнесения его с культурно-национальными эталонами и стереотипами» [Маслова, с. 155] и связана с символами, поскольку «компоненты с символическим прочтением также во многом обуславливают содержание культурной коннотации» [Там же].

Во-вторых, культурно важным свойством символов является аксиологичность, то есть символическая репрезентация характеризуется наличием оценочной интерпретации. Эмотивно окрашенное

оценочно-экспрессивное значение символа включает информацию о ценности чего-либо в определенной лингвокультуре, одновременно выражая эмоциональное отношение к нему, например, *хлеб* и в русском, и в английском языках (в англ. *bread*) является символом пропитания, а его употребление в пищу служит для человека главным условием существования.

В-третьих, формой познания мира через символические репрезентации является когнитивный механизм метафоры, благодаря которому символ выступает как один из кодов культуры, наделенный мифологическим или современным переносным метафорическим значением. Как пишет О. И. Быкова, «содержательной основой символа является образ, поэтому важно <...> определить каким кодом культуры она фиксируется» [Быкова, с. 351].

Д. Б. Гудков и М. Л. Ковшова под **культурным кодом** понимают систему знаков материального и духовного мира, ставших носителями культурных смыслов [Гудков, Ковшова, с. 9]. Среди множества культурных кодов ученые выделяют пищевой, или гастрономический культурный код, приводя в пример, в частности, следующие символы плодородия: круглый хлеб — *каравай* и *зерно* (также как символ природного цикла увядания и воскресения, непрерывности жизненных процессов) [Шестеркина, с. 363].

Рассмотрим, какие культурные символы представлены в словаре синонимов русского языка [БТССРР], создаваемом коллективом ученых Уральской семантической школы под руководством профессора Л. Г. Бабенко. Анализ показал, что указание на символы, связанные со словами синонимических рядов, представлено в различных зонах словаря синонимов.

Во-первых, символическое значение может раскрываться в общей для синонимов членов синонимического ряда семантической идее, см., например, семантическую идею, объединяющую членов синонимического ряда с доминантой *причастие* (*причастие, причащение, спец. евхаристия*): «тайнство в христианстве, состоящее в том, что верующие в определенный момент литургии вкушают Святые Дары (особым образом приготовленные и освященные хлеб и вино), **символизирующие тело и кровь Христа**».

Во-вторых, условное обозначение значимых для русской лингвокультуры понятий и идей может входить в состав прототипа, сформулированного для каждого синонимического ряда, поскольку

прототипическая семантика по своей сути включает в себя фоновые, ассоциативные и энциклопедические знания [Бабенко 2014, с. 341]. Так, росток, пробивающийся весной в верхнем слое почвы через какие-либо препятствия, например, асфальт, является символом новой жизни и обновления: см. прототип синонимического ряда с доминантой *прорасти/прорастать (прорастать/прорастаи, всходить/взойти, показываться/показаться, пробиваться/пробиться, разг. вылезать/вылезти и вылезть, разг. проклевываться/проклюнуться)* денотативно-идеографической группы «Функциональное состояние растения или его плодов»: «Давать/дать росток или ростки вследствие развития в верхнем слое почвы, выпускать росток или ростки сквозь какие-либо препятствия (пробивать почву, асфальт и др.) — обычно весной (о семенах растений, зерне, траве, цветах); этот процесс осознается как **символ новой жизни, обновления** чего-либо».

В синонимическом ряду в качестве культурного символа воспринимается, как правило, лексема — доминанта синонимического ряда. К примеру, в денотативно-идеографической сфере «Животный мир», денотативно-идеографической группе «Насекомые» в синонимической ряду *бабочка, разг. мотылек, разг. мотыль* символические ассоциации связаны с доминантой синонимического ряда *бабочка*, что находит отражение в прототипе: «бабочка связывается с представлениями о душе, в том числе и о душах умерших, является **символом возрождения и воскресения души**».

В-третьих, указание на символическую сущность лексем может входить в состав их лексического значения в качестве дифференциальной семы и на этом основании включатся в словарную дефиницию лексемы — члена синонимического ряда с целью разграничения черт семантического сходства и различия синонимов.

К примеру, словарная дефиниция лексемы *вотчина*, входящей в синонимический ряд с доминантой *имение (имение, поместье, усадьба, устар. вотчина)*, содержит символические ассоциации, связанные с этим словом в русском сознании: *вотчина* — «Устар. На Руси до XVIII в.: родовое земельное владение; употр. также по отношению к имению, которое принадлежит какому-либо знатному помещицкому роду, передается по наследству, **воспринимается как символ этого рода**».

В-четвертых, символические ассоциативные связи могут проявляться в зоне близкородственных синонимических рядов, грамматически варьирующих общую семантическую идею, передающих ее грамматически различным образом [Бабенко 2008, с. 23], например, к синонимическому ряду с доминантой *наука* (*наука, дисциплина*) в качестве близкородственного относится синонимический ряд *геральдика, гербоведение*, члены которого объединены общим значением «Вспомогательная историческая наука, изучающая гербы — условные изображения, **символы государств, городов, родов, отдельных лиц**».

В-пятых, символические репрезентации национально-специфических идей могут раскрываться в зоне примеров, которые дополняют и усиливают описанное в прототипе символическое значение, которое имеют в культуре лексемы — члены синонимического ряда. Так, например, прототип синонимического ряда с доминантой *одежда* (*одежда, костюм, наряд, облачение и облаченье, туалет, трад.-поэт. одежды, трад.-поэт. покров, устар. или шутол. одяание и одяенье, устар. платье, устар. убор, устар. убранство, разг. одежда, разг. одежка, разг., пренебр. тряпки, разг., пренебр. тряпье, разг., шутол. экипировка, разг.-сниж. шмотки, разг.-сниж., пренебр. шмотье, жарг. прикид*) содержит указание на символическую функцию различных элементов одежды: «у всех народов есть национальные **костюмы, предметы одежды** нередко **становятся национальными символами** (например, сарафан ассоциируется с Россией, сари — с Индией, кимоно — с Японией и т. д.)». В иллюстрациях к одной из лексем данного синонимического ряда имеются уточняющие описания с символическим значением: *одяание* — «Устар. или шутол. То же, что наряд. **Одяание шамана представляет собой сложный символический комплекс тканей, мехов, лент, ремней, шнурков, а поверх всего висят еще дудки-свирели с бубенцами** (газ.). *Он был в своем больничном одяании — в халате, туфлях и черной шапочке, с которой не расставался* (М. Булгаков). *По дорожке медленно, держа на заду руки, со степенностью ксендза и в одяании вроде сутаны, в черной шляпе, в крепких синих очках, то опуская, то высоко поднимая голову, шел неизвестный мужчина* (Ю. Олеша)». Как видим, магическую силу шаманов символизирует их оригинальная одежда с множеством

необычных элементов, халат и тапочки ассоциируются с больницей, а сутана — типичная одежда священников, символ их служения. Как видно, все примеры к лексеме *одеяние* ассоциативно относятся с определенным универсальным символом.

В-шестых, в словаре синонимов имеются денотативно-идеографические группы, в которых символическое значение настолько ярко выражено, что это проявляется во всех зонах словаря. В пример можно привести денотативно-идеографическую группу «Титулы». В синонимическом ряду с доминантой *корона* (*корона, высок. венец*) идея о том, что корона — основной символ власти монарха повторяется в зоне семантической идеи («*один из символов монаршей власти* — головной убор, обычно выполненный из благородного металла и украшенный драгоценными камнями»), уточняется в рамках устойчивого мысленного образа — прототипа («*один из символов монаршей (королевской, царской, императорской и т. п.) власти наряду со скипетром и державой*») и является важнейшей дифференциальной семой лексического значения лексемы *корона* — члена синонимического ряда: *корона* — «*Один из символов монаршей власти* — головной убор, обычно выполненный из благородного металла и украшенный драгоценными камнями».

Идеографический анализ показал, что культурно маркированные слова-символы распределяются по следующим денотативно-идеографическим сферам, группам и подгруппам: «Живая природа», «Растительный мир» — «Функциональное состояние растения или его плодов» (*росток*); «Животный мир» — «Насекомые» (*бабочка*), «Животные» (*корова, кот, собака*), «Птицы» (*голубь, курица, ласточка*); «Строение живого существа» — «Голова живого существа и ее части» (*голова*), «Конечности живого существа и их части» (*горсть, палец, фаллос*), «Внутренние и внешние части тела» (*плечи, сердце*), «Движения частей тела живого существа» (*фига*); «Человек как живое существо», «Еда и питье как физиологические потребности человека» — «Кушанья» (*каравай*); «Строительство» — «Часть сооружения» (*шпиль*); «Транспорт» — «Путь, его части и признаки» (*дорога, путь*); «Социальная сфера жизни человека», «Общественно-государственная сфера» — «Титулы» (*корона, трон*); «Одежда» — «Предметы одежды» (*костюм, одеяние*); «Восприятие окружающего мира» — «Цвет» (*белый, черный*), «Время» — «Время,

отмеченное / не отмеченное какими-либо событиями» (*начало*); «Универсальные представления, смыслы и отношения», «Универсальные представления» — «Судьба» (*перен. крест*).

Таким образом, перечисленные выше лексемы-символы входят в состав 16 денотативно-идеографических групп, еще в 12 денотативно-идеографических группах содержится описание различных универсальных и национально-специфических символов в различных зонах словаря синонимов.

В целом анализ показал, что семантический потенциал символов, их возможные смысловые валентности достаточно широки. Это подтверждает мысль С. М. Толстой о том, что культурная трактовка признаков символов, «вовлекающих в их семантическое поле несравненно более широкий круг ассоциаций, коннотаций, текстовых мотивов, подчас оказывается “богаче” языковой семантики» [Толстая, с. 50]. Объективным критерием проявления культурной коннотации символов, зафиксированных в синонимической языковой картине мира русского языка, может служить фиксация символических репрезентаций в различных зонах словаря синонимов.

Литература

Алефиренко Н. Ф. Символизация как фактор порождения словесного образа // Языковая картина мира и когнитивные приоритеты языка / Н. Корина, Б. Норман, Н. Алефиренко, В. Высочанский, Я. Соколова. Нитра, 2014. С. 33–36.

Бабенко Л. Г. Концепция, структура и основным лексикографические параметры словаря // Большой толковый словарь синонимов русской речи : идеографическое описание, антонимы, фразеологизмы / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2008. С. 15–26.

Бабенко Л. Г. Словарь как текст (на материале идеографических словарей русского языка) // Русский язык: исторические судьбы и современность: V Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова, филологический факультет, 18–21 марта 2014 г.) : Труды и материалы / сост. М. Л. Ремнева, А. А. Поликарпов, О. В. Кукушкина. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2014. С. 340–341.

БТСРР — Большой толковый словарь синонимов русской речи : идеографическое описание, антонимы, фразеологизмы / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2008. 752 с.

Быкова О. И. Символ в национальной языковой картине мира // Когнитивные исследования языка. 2017. Вып. 30. С. 349–352.

Гудков Д. Б., Ковшова М. Л. Телесный код русской культуры : материалы к словарю. М. : «Гнозис», 2007. 288 с.

Карасик В. И. Символические концепты // *Изменяющаяся Россия и славянский мир: новое в концептуальных исследованиях : сборник статей / отв. ред. М. В. Пименова.* Севастополь : Рибэст, 2009. С. 23–30.

Колесов В. В. Слово и дело: из истории русских слов. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. 701 с.

Лотман Ю. М. Символ в системе культуры // *Филология и коммуникативные науки: учеб. пособие / под общ. ред. А. А. Чувакина.* М. : ФЛИНТА : Наука, 2015. С. 71–77.

Масаева И. А. Символ как механизм репрезентации этнического мировидения // *Когнитивные исследования языка.* 2013. Вып. 14. С. 885–889.

Маслова В. А. Современные направления в лингвистике: учеб. пособие для студ. высш. учеб. завед. М. : Издательский центр «Академия», 2008. 264 с.

Молчанова Г. Г. Концепт-символ и смыслы культурных универсалий // *Когнитивные исследования языка.* 2015. Вып. 21. С. 91–97.

Телия В. Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.

Толстая С. М. Семантические категории языка культуры. Очерки по славянской этнолингвистике. М. : URSS : ЛИБРОКОМ, 2010. 367 с.

Шеленова Н. В. К вопросу о символической репрезентации // *Когнитивные исследования языка.* 2015. Вып. 21. С. 191–193.

Шелестюк Е. В. О лингвистическом исследовании символа // *Вопросы языкознания.* 1997. № 4. С. 125–143.

Шестеркина Н. В. Гастрономический код в русских сказках // *Когнитивные исследования языка.* Вып. 14. 2013. С. 360–365.

I. K. Mukhina

Ural Federal University

Yekaterinburg, Russia

CULTURALLY MARKED WORD SYMBOLS IN IDEOGRAPHIC SYNONYM DICTIONARY

It is proved that the cultural marking of the symbol manifests itself in its close connection with the concepts of “cultural connotation” and “culture codes”. The objective criterion for the manifestation of cultural connotation of symbols recorded in the synonymous language picture of the world of the Russian language can be the fixation of symbolic representations in different zones of the dictionary of synonyms (in the semantic idea, prototype of the synonymous series, dictionary definitions by lexemes — members of the synonymous series, illustries).

Keywords: symbol, symbolic representation, synonyms, cultural marking.